

The logo for 'Prometheus' is located in the top left corner. It features a stylized, graphic representation of the Greek letter alpha (α) to the left of the word 'Прометей' in a serif font. The entire image serves as a background, featuring a detailed red-ink drawing of an elderly man with a long, flowing beard and hair, looking slightly to the right with a somber expression. The drawing is executed with fine, overlapping lines, giving it a textured, almost etched appearance.

Прометей

Ю.В. Ефименко

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СДАЁТСЯ

Постижение одиночества
Старость в околонучной степени
В прощальном взгляде Леонардо

Юрий Васильевич Ефименко

Нет худа без добра.

Для тех, кто не сдаётся

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324216

Ю. В. Ефименко. Нет худа без добра. Для тех, кто не сдаётся:

Издательство «Прометей»; Москва; 2026

ISBN 978-5-00172-981-5

Аннотация

Две тысячи лет назад древнеримский философ Сенека поделился со всем миром своим очень глубоким социально-психологическим наблюдением: век живи – век учись жить!

Его мудрая мысль дошла даже до наших школ. В педагогически обработанном, но всё же полезном для умов виде: век живи – век учись. Подразумевалось, на хорошо и отлично.

На двойки и тройки подлинно человеческой жизни не выучиться. И на планете уже потому столько крови, пожарищ и горя, что главными делами заправляют сплошь двоечники за свои ум, душу и совесть.

А едва ли не самыми путанными из житейских наук остаются одиночество и старость. Чего только не наговорено тут за века!

Автор не предлагает рецептов, инструкций или наставлений, как и ассорти из афоризмов знаменитых людей. Лишь, следуя

за Сенекой, делится своими открытиями. И, может быть, из них какие-то окажутся полезными.

Содержание

К теме	6
Часть первая. Постигание одиночества. В испытаниях жизнью и судьбой	10
Искусство одиночества	12
Земная жизнь до половины. Между тридцатью и сорока	15
На учёбе у зрелости. От сорока до шестидесяти	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юрий Ефименко
Нет худа без добра.
Для тех, кто не сдаётся

© Ефименко Ю. В., 2026

© Издательство «Прометей», 2026

* * *

К теме

Как и родителей, современность не выбирают.

Достаётся нам всегда только такой, какова есть. Одним лучше, другим хуже. Третьим вовсе чёрт знает что!

Уже и от школьников слышишь, что мир погружается в третью мировую войну. И двадцать первому веку статься пострашнее двадцатого с его-то двумя мировыми войнами. Всюду такая гремучая смесь взаимоненависти, что сбежать бы куда подальше, и пусть виновники сами разбираются. Да нигде не скрыться. Разве что сбежать с планеты. А на чём? И категорично некуда. До более разумных миров нам ещё долго не дотянуться, а мы в таком виде им напрочь не нужны.

Потому во всём перепадаящем нам «хуже», задумываясь поглубже, можно и нужно высматривать искры добра. Даже под чугунным злом добро найдётся. Оно всегда тянется к свету. Как может вынырнуть из-под безжизненного городского *урбанозёма* чистый родник, выстреливает из-под камней мягкая нежная трава и выбивается в неприметную асфальтовую щель солнцелюбивый одуванчик.

Главное помнить: это зло возникает и действует само, а добру бывает не лишне и помочь. Раненное забинтовать, сбито с ног протянуть руку. Спасённое, оно рано или поздно ослабит и развеет зло.

Но тому ещё следует основательно поучиться – надёжно-

му умению складывать наш мир достойным именно человеческой природы! Вочеловеченным в каждом нашем поступке, каждом слове и каждой мысли.

Да-да, в нашей жизни как раз всё так: нет и самого гнетущего худа без толики добра. Быть может, и крошечного.

У этой непритязательной русской приговорки за спиной века проверки. Но и по сей день далеко не всеми принимается её особая мудрость, записанная вдумчиво жившими предками, — та животворная истина, что именно начала добра пробивают нам дорогу сквозь чащобы и болота зла.

Великая правда, выстраданная умственно мужественными, стойко честными и глубоко добрыми людьми всех веков и народов! Известными и неизвестными равно.

Исторический ход прибавления нам действующего сознания, кто и как бы ни старался помешать, затормозить, во веки веков не остановим. И сохраняется порой самым малоприметным образом или вовсе скрытым действием, доказывая Фомам неверующим, что всё же нет и не будет безмерного «худа» без проникания в него пусть и атомарно микроскопичного добра.

Эта с виду простая мысль в действительности — одна из сложнейших заповедей. С её непростым распознанием в конкретных случаях. Какое, к чёрту, добро, когда до тошноты худо!?

Самым исчерпывающим образом мы освоили её в 1941–1942 годах, выучиваясь войне у непомерно жестоких учите-

лей. Вначале неплохо. И всё лучше. Наконец, разгромно – с безоговорочной капитуляцией врага! А с Победой получили доселе небывалый в мире авторитет.

В собственной жизни каждого из нас дела обстоят хуже. Многим это обучение даётся туго. Хотя уроков бывает через край. Ноющие, истеричные, сломавшиеся, завистливо *ненавистничающие* люди тому убедительное свидетельство.

Прочного добра сегодня не выстроить без ожесточённой борьбы с агрессивным «худом» – со всячески испытывающим нас злом. Добра, способного не подпустить его к своим стенам и за сотню вёрст.

Такова непреложность истории! К концу двадцатого века мы в своей стране об этом забыли и очень серьёзно поплатились. Из-за нас и другие в двадцать первом расплачиваются кровью, горем и пожарищами.

Ибо главная учёба не в боях – до них. Извольте прежде справиться со своей умственной ленью и трусоватой душой. Трусость и лень – ворота нараспашку для беспощадных врагов с их категоричным злом.

Я не отношусь к безудержным, безоглядным, бездумным оптимистам, бездарно влюблённым в свой клинический оптимизм. У человечески очерченного строгие берега – разумной достаточности! И основа из выносливого жизнелюбия не только для себя, а и на всех.

Мы отстоим развивающее нам ум и душу добро! Ныне ви-

дится, дорогой ценой, но всё же непременно. Другого пути вперёд нет и не будет, каким и сколько не молитесь богам.

Добро это мы, когда не предаём в себе подлинно человека!

Часть первая. Постигновение одиначества. В испытаниях жизнью и судьбой

Ганс Христиан Андерсен:

*– Говорят, ты страшно одинок. – Нет. Меня навевают
старые воспоминания.*

Генри Дэвид Торо:

*Я никогда не встречал партнёра столь общительного,
как одиночество.*

Марина Цветаева:

*Самый мой большой ущерб – отсутствие одиночества.
Я ведь всегда на людях, и днём, и ночью, никогда, ни на час
– одна. Никогда так не томилась по другому, как по себе,
своей тишине.*

Григорий Медынский:

*И одиночество. Да и одиночество... Я думаю о роли оди-
ночества. Мне кажется, что здесь-то и начинается лич-
ность – когда человек живёт не тем, что ему дают, во что
его тянут, вовлекают и приучают, а тем, что он, остав-
шись наедине, находит сам, и в себе, и в окружающем его,*

*таком богатом, и в конце концов, таком прекрасном мире,
и в собственной внутренней потребности подумать, послу-
шать, ощутить и небо, и землю.*

Искусство одиночества

Одиночество – вот проклятая вещь, Тиррей. Вот что может погубить человека.

Грин А., «Дорога в никуда»

Возможно, такое удивительное искусство действительно есть. Нажитое за века неординарными людьми всех народов и племён, даже слабо различимых в нашей истории.

Возможно, оно только-только складывается всерьёз, произрастая из нелёгкого опыта предков, из наших собственных проб, удач и ошибок, как и предчувствия похвальных умений и навыков потомков.

Возможно, в других мирах вообще из азбучных истин. И в глубинах Галактики давно проходят в школах более важную науку – неодинокчества. Как принцип и основу всей жизни для всех мыслящих существ.

Лично я убеждён: сколько и как ни старайся, проблема одиночества никуда не денется, сродни и простым испытаниям – голодом и жаждой, желанием свежего воздуха, исцелением от ран. Быть может, ещё на миллионы лет вперёд.

Спросить бы для надёжности кого из Туманности Андромеды, да попробуй дотянись.

А пока одиночество жестоко косит: одних наживанием тяжких болезней, других досрочным, в чувствах, старением с угасанием интереса к жизни, даже к самому себе. Третьи

спиваются. А кто-то от безысходности и кончает с собой.

Мы не растения, и там, где организму дано приспособиться, никак не выйдет душе, которой напрямую нужны не еда, вода и воздух – отношения с другими!

Такова наша именно человеческая природа!

Заполучить одиночество – ничего проще! Без труда даётся и самое свинцовое – в толпе! Слишком легковесно сходимся, непрочно скрепляемся в дружбе и любви. Ненадёжны в совести. Цепляемся за мимолётные происшествия. И редко увидишь, поскользнувшись, протянутую руку, а на службе, в деловых отношениях локоть соседа скорее оттолкнёт, чем поддержит.

Другая напасть – воспринимаем одиночество приговором. Рок!

А куда бы лучше, как бы оно ни донимало, не разлюбить ни в себе, ни в других человека в его коренной сути. Прибавляя света и тепла всем, с тем и себе самому. И одиночество, каким бы ни выпало, ни за что не обернётся фатальной тягостью. К жизнелюбивым оно не пристаёт и не висит на шее тяжким грузом.

Первейшее наше дело – отобрать его у зла, обращая в добро. И, похоже, как раз в том секрет этого диковинного искусства – вочеловеченного одиночества. Была бы на то воля!

Я не сочинял рецептов, как излечиться от одиночества. Лишь отметил следы его постижения в особенностях своего места и времени с верой, что другим наверняка пойти даль-

ше, узнать и сделать больше. На пользу всем!

Земная жизнь до половины. Между тридцатью и сорока

Дано ли одиночество детству? Да! Но только заданностью обстоятельств, а не личным предпочтением или выбором.

И Пушкин не на пустом месте гениально, ибо просто и точно, очертил его в характере юной Татьяны Лариной: «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой».

Есть дети очень и даже требовательно общительные, а есть стеснительные, замкнутые, и всё же не углублённые в себя на манер взрослых (в неких целях!), а лишь избегающие чуждого душе, тем более навязываемого общения.

Для детства одиночество не правило. И никого не отвергает от увлечений и отношений Великой Детской республики, чьим символом был советский Артек, и она обнаруживается всюду, где объявляются её неугомонные подданные, кто не терпят одиночества, тотчас находя друг друга во всех уголках планеты.

Первые болезненные приступы одиночества приходят в молодости. В пору, когда натиск природы как никогда силен. Пропитывая мысли и чувства всякий день острым желанием пары.

Но полно! Настоящее одиночество подступает всё же со зрелостью.

И к каждому по-разному. Но чаще приступами порой и берущей за горло тоски по выносливым друзьям, надёжно близким людям, в ком сыщешь опору, соратника в нашем нескладном бытии, где и половая парность (супружество, родительское партнёрство!) не развязывает всех узлов. Хорошо-то не прибавляет новых!

Я сохранил отметины (звёздочки – год за годом!) своего пути в их строгой последовательности. И нет нужды делиться обстоятельствами. Они у всех свои. Всего важнее смысл признаний и открытий.

Страшная наша болезнь – одиночество!

Тысячами ходим рядом, нужные друг другу, незаменимо важные друг для друга. И не сходимся, не можем лишний раз ни пробиться навстречу, ни удержать. И теряем. Даже то, что случайно нашли.

И отступать она будет медленно. Потруднее, чем справиться и с раком.

* * *

Одиночество. Абсолютное и непрекращающееся. Одиночество.

Остаётся – ждать.

Что такое моё одиночество? Жить эпикурейцем в шкуре аскета!

И снова одиночество – неизбывное, неизменное, непреходящее. Непреодолимое. От одиночества – боль, от боли – одиночество. И нет того дела, на котором бы твёрдо стоялось.

Привет тебе, бездельное одиночество! До вечного покоя. Хоть бы дотянуть.

Вечер. Стою во дворе детства. Слышу, вижу, чего никто сейчас не ведает. Да, сбылось, как и думалось – одинок. Проклятая судьба!

Когда-то – во дворе. Теперь, знаю, – на весь мир.

Чтобы любить сегодня людей – нужно быть от них свободным (независимым!). Одиноким?

* * *

Господи, сколько вокруг хороших людей, но рядом с ними скоро начну волком выть. От одиночества!!

* * *

В конце концов, это любящие тебя люди – главная опора в собственной нашей маленькой жизни. И верное спасение от одиночества.

И как же тошно, коль нет. Вдруг толкнут – замашешь руками, и, оказывается, зацепиться не за кого. Да и не за что – воздух!

* * *

Мучительная потребность в одиночестве, но не среди толпы, а среди гор, лесов, степей, настойчивое желание побыть хоть немного в абсолютном одиночестве (страдаю ныне, как болезнью, и не могу работать, трещит голова, ничего не хочется), – не имеет никакого отношения к домыслам о человеке или творчестве.

Вырваться из безрадостных, изнуряющих отношений и обязательств – вот, что главное. Для передышки душе. И это нормально по нашему времени, ещё слишком перекошенному, с изъятиями, высасывающими душевное здоровье.

Я хочу укрыться от людей хотя бы на неделю, как раз потому что люблю их. И не могу винить в полной мере, что таковы. Я знаю первопричины. А, любя, и не думаю мстить кому-либо за свою боль. Мне важно набраться сил и мужества им помогать и дальше. Любить их – моя человеческая природа. Донимать меня – их социально обусловленное несчастье.

Вот единственный разлад!

В природе человека нет одиночества. Оно ему противостоит. Как чума. Но коль уж мы при колоссальном

обилии лиц перед глазами, встреч и разговоров, связанностей с другими, от родственных до любовных сплошь и рядом душевно одиноки, не стоит поражаться тому, что вдруг оказываемся последовательны – испытываем тягу к одиночеству и физическому. С того момента восстанавливается порядок вещей: одиночество становится всеобъемлющим, очевидным образом противоестественным, и пробуждается нормальная тяга к людям, к их жизни, к их разговорам, смеху и страданиям.

Всякий нормально развитый человек отзывчив. Его отзывчивость подвижна, действенна, активна. Активность душевной отзывчивости требует много сил, энергии и времени. Расход сил, энергии и времени зачастую оборачиваются невосполнимыми потерями, коль встречающая отзывчивость минимальна. Оттого – усталость. От усталости желание передышки – отдыха от других.

И это не умственная игра – Жизнь!

* * *

Как поздно узнают живые, развитые люди, что самое страшное на свете, похуже потери защитных свойств, потяжелее измен, чудовищнее проклятий и болезней – затяжное одиночество. Душевное. Ничего болезненнее!

Потому что нет ничего лучше открытых тебе взглядов, тёплых слов, честных рукопожатий, крепких объятий, дове-

ряемых сомнений, тайн, переживаний, болей. *Непредательственности*. Ибо всё это верное доказательство того, что ты истинно человек, сохранивший себя человеком несмотря ни на что, и такой – не один!

К постоянному и долгому одиночеству можно вполне привыкнуть, свыкнуться с ним и даже вообще не замечать. Пока что-нибудь не случится из ряда вон. Или не накопится в душе столько смертельной усталости, что в одиночку не одолеть.

Но я особенно люблю людей, когда есть возможность время от времени побыть одному. Тишина и одиночество лучшее из социальных лекарств на нынешнее никчёртное время.

* * *

И вдруг под полуночный дождь тоска. Давняя, заглушенная, забытая знакомка. Устал от одиночества. Но и вымотался без одиночества. И эти одиночества друг другу рознь.

* * *

Чем была жизнь Рафаэля со стороны? Кажется *моцарти-*

аной — изящное творил легко! Характером светел, добр, отзывчив, деликатен и обходителен. Открыт всем людям. По свидетельству из его поры, был «хрупок на вид, женственно красивый».

Чем была жизнь Рафаэля для него самого? Не драматична, как у Леонардо да Винчи, не мучительна, как для Микеланджело, среди чуждых душе соплеменников с их чуждыми увлечениями и отношениями.

Кто бы задался поглубже вопросом, отчего Рафаэль в последние годы (вряд ли принимал за таковые, но хорошо знал — земную жизнь прошёл наполовину) писал в основном мадонн?

Заказы? Их было достаточно, чтобы не хвататься за каждый. Набожность? Об особой набожности Рафаэля не слышно. Ничуть не фанатик, как Микеланджело. Беспокойство воспоминаний о счастливо раннем детстве и тоска по любимой матери? Быть может. Следование за отцом-художником, кто оставил «Мадонну Маджи»? Возможно.

Но этого мало, чтобы именно так определённо сосредоточить своё мастерство, одарив мир «Сикстинской мадонной». К тому же неизвестно, как сам оценивал её, замысливая новые и, быть может, более совершенные творения.

Или это его «Реквием»? Тяжело больному Моцарту дано было предчувствовать свою смерть. А благополучному Рафаэлю?

О глубочайших переживаниях истинные художники ме-

нее всего говорят своим ученикам, последователям, поклонникам. Жизнь Рафаэля – не менее загадка, чем жизнь Леонардо да Винчи. Лишь другая.

Стремительный путь к славе, всеобщее почитание, благосклонность власти, успех у женщин, преданная подруга. Во всём достаток, признаки счастливого художника. Всё необходимое для окрылённого творчества!

И над всем этим великолепием – неуловимое одиночество, не менее острое и напряженное, чем у Леонардо и у Микеланджело. Доказательства?

Одиночество среди людей (в тесноте их окружения) – самая скрытая из тяжких болезней. И нелегко разглядеть приметы. Это посредственность завопит о своём одиночестве на весь мир, вина в нём всё человечество. Гений возвышается над одиночеством, работая даже в полной окрестной пустоте, как выпало напоследок Рембрандту.

Но у всякого развитого человека, у каждого подлинно талантливого художника есть и должно быть особое чувство, которому не столь важно признание заслуг (и грохот несправедливых суждений). Куда дороже понимание. В каждом его дне и часе, в творчестве, в передышке, в победах и неудачах.

Форнарина была счастливейшей из возлюбленных. Ученики – счастливейшими из учеников, кому в эпоху Возрождения сравниться разве что из круга Леонардо да Винчи. Его друзья...

Они были? Поклонник ещё не друг. Скорее ревнивый сле-

пец. Да, у Рафаэля не было очевидных врагов, как у других. Но на кого он мог опереться в сомнениях? К кому стучался в печалих? Покровители для того и вовсе не годятся.

И это ли ещё – одиночество?

Рафаэль был безоговорочно счастлив душевным здоровьем. Как виделось со стороны, вызывая даже зависть.

Но что ещё так подтачивает древо жизни, кроме одиночества?

Когда большие художники обращаются к ярчайшему из примеров человеческой любви – к матери, как не в дни острой необходимости именно этого здоровья! Как не в предощущении потерь с тоской как раз по нему!

Что есть одиночество Рафаэля, в ком были чудесно слиты и светлый человек, и светлый художник (без примесей различных перекосов его жестокого времени)? И какое может быть одиночество у такого мощного творца, бережного к прошлому, чуткого к современности и устремлённого в будущее?

Не в том ли дело, что его поныне относят к *выразителям идеалов эпохи*? А его занимало по свойству талантливого художника поболее возрастание человека в человеке! Независимо от того, думал об этом Рафаэль, нет ли.

Есть правило гениев: чем талант крупнее, тем реальнее ощущает творимое во всей его предназначенности вырастающим умом и душой людям! Сегодня, завтра и надолго. Таков закон *коренного* творчества («закон Рафаэля»!).

Одиночество Рафаэля (и не только его) заключалось уже в том, что в полной мере правды, на всей высоте искренности он мог разговаривать лишь со своими творениями, не полагаясь и на самых тончайших знатоков. Воспевания твоего дара и шедевров, любые похвалы и восторги нисколько не восполняют именно этого взаимопонимания.

Одиночество Рафаэля начинается с того (подавлял ли он сам эти мысли или вовсе не возникали), что подлинное его время и подлинники его ценители, люди, кому вровень его создания и с кем не быть творческому одиночеству, ещё и от нас очень далеко. По-настоящему он принадлежит не своему времени, прозванному Возрождением, и не нам (как бы ни кичились своим веком), а тем тысячелетиям, в которых гуманизм станет всепланетным мировоззрением и точкой отсчёта всего создаваемого и созданного. Наследия Рафаэля в том числе (если удастся сберечь).

Одиночество благополучнейшего Рафаэля – неизбежное одиночество горной вершины в цепи пологих холмов. И не то важно, что вдали есть и другие, а то, что в Гималаях нет одиночества вершин, пусть и пики не равны друг другу.

В том и состоит нелёгкая для разумения диалектика взаимоотношений гения и захваченного им времени: насколько верно он ощутил и сколь точно прикоснулся к сущности человека и подлинно человеческой жизни во всём пространстве от всего обозримого прошлого человечества до его видимого будущего.

И это правило для измерения Рафаэля, Леонардо и многих других гениев из разных эпох и народов! Гениальных творцов! Как и закономерность скрытых или очевидных трагедий их личной жизни.

Да, одиночество Рафаэля – вовсе не крест, который довелось пронести многим. Рафаэль был действительно счастлив (как и автор этих строк, что ни выпало ему!). Ибо то, что недополучает личность, восполняется художником!

Одно непоколебимо: любое одиночество, и самое крошечное, не перестаёт быть одиночеством. И не чувствовать его невозможно. Душой! Если у она тебя есть, тем более в полном порядке.

Как у Андерсена настоящая принцесса почувствовала горошину и под горой перин.

* * *

Да, правда. У меня нет друзей. Есть просто добрые люди, чья поддержка время от времени спасает от бед и кому сам готов всегда помочь.

В моей записной книжке несколько сот телефонов. Мне достаточно знакомы несколько тысяч человек. А за свою жизнь вызнал десятки тысяч лиц, имён, судеб, кто побывали возле меня, с кем сталкивался на перекрёстках жизни и кого по тем или иным поводам наблюдал.

И никого нет, к кому, едва подумав, я захотел бы тотчас

поспешить и радостно обнять.

И не так уж одинок. У меня есть закаты. Холмы. Солнечная и лунная дорожки. Облака. Гладь реки и морские волны. Дожди. Подарки детей. Память. И ещё много всего. Мне живётся вовсе не одиноко. Ещё есть ожидание встреч. И радость за всех на свете, кто счастливы истинным человеческим счастьем.

* * *

У Ларисы Васильевой в очерке «Одиночество... перед зеркалом» («Советская Россия», 13.05.1983) письмо тридцатитрёхлетней акушерки о восхищении теми прекрасными женщинами, кто решаются после тридцати на одиночное воспитание, и рассуждения поэтессы со ссылкой на непрерывный опыт поэтов.

Дело посложнее! Оно касается человека и его времени равно. И в особенности времени! Ныне мы сплошь и рядом скучены, притиснуты друг к другу и будто трясёмся в битком набитом автобусе.

Диалектика нашего одиночества, этого тягучего, ранящего расклада в жизни в том и состоит, что оно противоестественно душе как постоянство, и столь же необходимо, чтобы время от времени наедине с собой совестливо поговорить со своей жизнью или честно разобраться со многим, что наслаивается беспорядочно и без прока (обещания, обязатель-

ства, отношения). Без перерыва на это одиночество наши души сплошь и рядом становятся загнанными лошадьми.

Вот так у нас: мучительно и вечное одиночество, и невозможность побыть в одиночестве для врачующей передышки от перегрузок собственного бытия да и всей эпохи.

И до здорового соотношения наверняка ещё тысячи лет!

* * *

Около полуночи. На платформе Ленинградского вокзала. Хожу и хожу у вагона. И смотрю. Что-то всё заставляет всматриваться в лица идущих навстречу людей. Будто вдруг вымотришь кого-то в потоке. Кого?

Всё кажется: сейчас появится кто-то и поспешит ко мне. Неведомая, кому нет дела до принятого или не принятого. Кто, не оглядываясь, что положено, что не положено, срывается и бежит к тебе по движению души, толчку сердца.

Но кто же? Откуда ждать? Когда потерян, может быть, последний для моей жизни хоть чуть-чуть схожий человек.

Не стоит винить молодость, коль одиночество лишь окрепло. Она слишком занята рывком во взрослую жизнь, которая видится основой и смыслом всего бытия (зачем тебя мама родила и кем тебя по-настоящему звать!).

На учёбе у зрелости. От сорока до шестидесяти

Чего только не наживёшь к этом часу! И, как правило, больше препятствий, чем хорошо проложенных дорог.

Казалось бы, с чего зрелости при занятости по макушку, при облепленности людьми на работе, в колготе приятельских отношений и в бесконечности всё новых знакомств и новых встреч маяться одиночеством.

Но вот тогда и открывается во всей мере самое настоящее – свинцовое среди людей!

В абсолютном пустодушии мелькающих изо дня в день имён и лиц, обещаний и обязательств. А мечта о дорогих сердцу людях и самом близком человеке устало залегает в душе ничком. И всё реже кольнёт внезапной мыслью или захватит коротким переживанием с их недолгим эхом в сознании.

Пора, пора учиться! Не в петлю же лезть.

Уже который месяц не говорю – с болью кричу о жутком одиночестве.

А со мной только сводят счёты. Чёрт знает что!

* * *

Одиночество всегда тяжесть. Но легче быть одиноким, точно зная, что одинок. Без иллюзий насчёт тех, кто время от времени заглядывают в твою жизнь и уже, глядишь, прогуливаются в ней по-свойски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.